

КОНФЛИКТ КАК ОДНО ИЗ ЗНАЧИМЫХ ПСИХИЧЕСКИХ ЯВЛЕНИЕ

Каршибаева Гулноза Абдукадыровна, к.психол.н. (PhD)
Джизакский ГПУ

gulinoza.ru@bk.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена о конфликтах, которые могут стать значимых явлений психической жизни человека непосредственно связано с проблемой психического благополучия. Исследование межличностного оценивания в условиях конфликта показало, что в ситуации конфликта оценка выступает в форме простого перечисления негативных качеств, приписываемых оцениваемому.

Ключевые слова: проблема психического благополучия, важнейшие объяснительные концепты в психологии личности, стремясь убедить их в своей правоте, ответственность за их разногласия.

Нормальный конфликт предполагает выбор между различными возможностями, позициями, убеждениями и т. д., осуществляя который человек и разрешает конфликт. Невротический конфликт всегда бессознателен: внутренние противоречия поглощают человека, не оставляют ему выбора, делают его беспомощным. Хорни описывает этот конфликт следующим образом: «...Конфликтная ситуация невротичного человека проистекает из отчаянного навязчивого желания быть первым и из столь же сильного навязчивого побуждения сдерживать себя. Если он что-либо сделал успешно, то в следующий раз вынужден сделать это плохо. За хорошим уроком следует плохой, за улучшением в ходе лечения следует рецидив, хорошее впечатление на людей сменяется плохим. Такая последовательность все время повторяется и рождает чувство безнадежности борьбы с превосходящими силами.

Следовательно, говоря о поведении человека в конфликте, мы должны были бы говорить о целях как осознаваемых им мотивах своего поведения и просто о мотивах в тех случаях, когда человек не ставит перед собой сознательных целей. Однако ответ на вопрос об осознаваемости или неосознаваемое мотива далеко не очевиден.

Конфликт как одно из значимых явлений психической жизни человека непосредственно связан с проблемой психического благополучия — фундаментальной проблемой всей психологической науки, по-разному решаемой ее различными дисциплинами.

Например, при возникновении конфликта с начальником человек обсуждает сложившуюся ситуацию с коллегами, стремясь убедить их в своей правоте, заручиться их возможной поддержкой или просто желая выговориться. Поскольку при этом он не ставит перед собой конкретных задач, то, в соответствии с приведенным определением, в данном случае о целях речь не идет.

Означает ли это, что у него появилась конкретная цель? («Отдает ли он себе отчет в своих действиях?» — эта конструкция из обыденной речи также подразумевает возможность неосознавания, «неотчета» перед самим собой в своих стремлениях)

Для человека, переживающего конфликт, «потребное будущее» — это преодоление противоречия. Феноменология конфликтов с тем вряд ли участник конфликта станет формулировать свои цели в этой системе представлений.

Сложность данной проблемы возрастает, когда мы начинаем рассуждать о целях социального взаимодействия. Люди входят в определенные типы взаимодействия или ситуаций, ожидая, что смогут реализовать свои стремления, достичь поставленной цели. Столь же распространенным в литературе по психологии социальных ситуаций является представление, что цели являются центральной характеристикой социальной ситуации, ее системообразующим признаком, тогда как остальные признаки ситуаций могут быть определены через их отношение к целям ситуации.

Но если мы спросим его, важно ли для него, чтобы окружающие считали его поведение обоснованным и справедливым, он ответит утвердительно и аргументирует свою позицию. Возможно, до нашего вопроса он и не задумывался над этим, но теперь ясно и вполне осознанно говорит о своих стремлениях.

Исследование конфликтов в школе показало наличие существенных расхождений между представлениями учеников и учителей о причинах возникающих между ними разногласий. Так, с точки зрения учеников, основные причины их конфликтов с учителями сводятся к оскорблениям со стороны учителя, его нетактичному поведению; отсутствию объективности в оценке знаний учеников; завышенным требованиям. Нетрудно заметить, что каждый из участников видит причины возникающих конфликтов в противостоящей стороне и возлагает на нее ответственность за их разногласия.

Полученный результат — возложение ответственности за конфликт на «другого» равно как и наделение его «плохими» чертами, — типичен для изучения перцептивных явлений в конфликте. «Мы» — «положительные, вежливые, всегда помогающие, терпимые»; «Они», «иностранцы» — «отрицательные, опасные, доставляющие беспокойство и т. д.»

Исследование межличностного оценивания в условиях конфликта показало, что в ситуации конфликта оценка выступает в форме простого перечисления негативных качеств, приписываемых оцениваемому. Использованная методика репертуарных решеток позволила продемонстрировать, что в состоянии конфликта оценивающий склонен выносить своему оппоненту заведомо негативные, крайние оценки по всем основным показателям, максимально противопоставлять его хорошему знакомому и не соотносить с собой. Описанные результаты совпадают с нашими данными. В одной серии из собранных нами конфликтных ситуаций

мы просили наших респондентов включить характеристики участников конфликта в описание (не давая никаких дополнительных инструкций). В тех случаях, когда описывались ситуации, участниками которых являлись они сами, мы получали характеристики «Я» и «Он/Она».

Анализ этого материала показал следующее. Характеристики участников конфликта содержали их ролевые позиции («мать — дочь», «ученик — учитель», «заведующая детским садом — музыкальный работник» в 100% описаний, социально-демографические данные — указания на пол участников ситуации, возраст (в 70-100% описаний), семейное положение (32,5%), образование (25,0%). Различий между описаниями «Я» и «Он/Она» по этим параметрам практически не было.

Тайное ощущение собственной вины мы весьма предусмотрительно прикрываем ненавистью, которая облегчает приписывание вины другому.

Эти характеристики составляют 18,5% от общего числа. Качества, относительно которых можно утверждать, что они содержат негативную оценку («нерасторопна», «ворчунья»), составляют лишь 7,4%. Такой же процент высказываний может быть оценен как нейтральные. Итоги данного исследования однозначно свидетельствуют о противопоставлении участниками конфликта «хорошего» себя «плохому» другому. Полученные результаты совпадают с аналогичными данными других исследований, хотя последние и весьма немногочисленны. Однако мы хотели бы интерпретировать факты известного противопоставления «Я — другой» (так же как и «Мы — Они») как стремление к обоснованию своей позиции за счет обесценивания позиции «плохого» другого. Тем самым это противопоставление выполняет своеобразную защитную функцию.

В одном из наших исследований врачам и медсестрам задавались вопросы, направленные на оценку основных причин разногласий, возникающих между ними. В результате были получены данные, свидетельствующие о тенденции приписывать ответственность, по крайней мере, за часть возникающих разногласий особенностям «другой» группы. Так, каждый третий врач (35,3%) усматривает причину разногласий врачей и медсестер в склонности последних вмешиваться в работу врача, с чем согласны единицы из числа медсестер (1,7%). Большинство врачей (58,8%) связывают эти разногласия с недостаточной квалификацией, ошибками в действиях медсестер, такой же позиции придерживается всего лишь 10,2% медсестер. В то же время указывают на личные недостатки врачей, низкую культуру их поведения 45,8% опрошенных медсестер и всего лишь 11,8% врачей.

Список литературы

1. Абдурасулов, Р. А., & Qarshiboyeva G. Ozligingni angla. Архив Научных Публикаций JSPI, 1-52.
2. Каршибаева Г.А., & Эшмуратов, О.Э. (2018). Факторы суицидального поведения, влияющие на формирование подросткового поведения. Молодой ученый, (49), 235-237.
3. Qarshiboyeva G. Психологик маслахат. Архив Научных Публикаций JSPI.

4. Каршибаева Г. А. Особенности суицидального поведения в подростковом возрасте. Молодой ученый, (7), 663-665.
5. Каршибаева Г.А. Психопрофилактические меры по предотвращению самоубийств у подростков. Молодой ученый, (49), 233-235.
6. Каршибаева Г.А. Теоретическая основа проблемы психологических особенностей подростков с суицидальным поведением. Молодой ученый, (49), 230-233.
7. Каршибаева Г.А., Норбекова, Б.Ш., & Туракулов, Л.Т. Суицид-это не просто способ обратить на себя внимание. European journal of education and applied psychology, (2).
8. Каршибаева Г.А. Самоубийство в ряду других социальных явлений. Молодой ученый, (5), 581-584.
9. Karshiboeva, G. (2020). Характеристики мотивационных потребностей подростков с суицидальным поведением. EurasianUnionScientists, 1(10 (79)), 48-49.
10. Qarshiboyeva, G. (2021). The importance of motivation to avoid failure in achieving the success of young football players. Архив Научных Публикаций JSPI.
11. Karshibayeva, G. (2021). Диагностика суицидального поведения у подростков. Вестник интегративной психологии, (22), 84-89.
12. Абдурасулов, Р. А., & Каршибоева, Г. А. Психологик тренинг асослари. Ўқув кўлланма. “Баёз” нашриёти. Тошкент–2019 йил.
13. Шоумаров Ғ.Б., Соғинов Н.А., Қодиров У.Д., Палуанова З.Д. Суицид ҳолатларини тадқиқ этиш: муаммо ва ечимлар. Услубий кўлланма. (Суицидал хулқнинг олдини олиш бўйича ишловчи ишчи гуруҳ аъзолари учун). // Масъул муҳаррир. -Т., 2020. -138 б.
14. Фаринович В.В. Психологические аспекты суицида и возможности их интерпретации. // Современная зарубежная психология. 2013. №3. 122-126 с.